

КОТАРО ИСАКА
ПОЕЗД УБИЙЦ

Москва
2022

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44
И85

Isaka Koutarou
MARIABEETLE

Originally published in Japanese as Maria Beetle by Kadokawa Corporation.
© 2010 Kotaro Isaka / CTB Inc.
All rights reserved. Russian translation rights arranged
through CTB Inc.

Фотография автора — Osamu Hoshikawa

Фотография переводчика — Макс Бурин

Исака, Котаро.

И85 Поезд убийц / Котаро Исака ; [перевод с японского
А. С. Григорян]. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с. — (Ток. На-
циональный бестселлер. Япония).

ISBN 978-5-04-118230-4

Из Токио в Мориока отправляется скоростной поезд — синкан-сэн. На первый взгляд все его пассажиры — вполне обычные люди, едущие по своим обычным делам. Но кое-кто оказался здесь далеко не случайно...

Сатоши — кажется безобидным школьником, и при этом сто-процентный психопат. Умный, хитрый и очень опасный;

Кимура — бывший киллер, а теперь простой работяга и алкоголь в завязке;

Мандарин и Лимон — двое наемников экстра-класса;

Судзуки — добродушный школьный учитель;

Нанао — «самый неудачливый убийца в мире», прозванный так потому, что вся его жизнь — это вечная череда неприятностей;

Мальчик — сын крупного мафиозного босса;

И кое-кто еще, со своим особым заданием...

Эти люди в целом никак не связаны друг с другом, и привели их сюда разные обстоятельства. Но одна лишь случайность — и линии их жизни сплетутся в тугой клубок. Далеко не все из них доедут до своей остановки. Потому что очень трудно сойти живым с поезда убийц...

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-118230-4

© Григорян А.С.,
перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

КИМУРА

На станции Токио не протолкнуться. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как Юити Кимура бывал тут в последний раз, так что он не может сказать, является ли такая сутолока здесь делом обычным. Он не удивился бы, если б кто-нибудь сказал ему, что сегодня где-то поблизости проводится какое-нибудь особенное мероприятие. Сдавленный со всех сторон другими пассажирами, Кимура вспоминает о программе, которую однажды смотрел вместе с Ватару по телевизору, — там пингвины точно так же плотно прижимались друг к другу. «По крайней мере, у пингвинов был на то резон, — думает Кимура, — там, где они живут, ужасно холодно».

Он ждет, пока в сплошном потоке людей не появится небольшой просвет, ныряет в проем между рядами сувенирных магазинов и киосков и ускоряет шаг. По лестнице из нескольких ступеней поднимается к турникетам синкансэн. Проходя через автоматические ворота, ощущает напряжение, смешанное со страхом: что, если они каким-то образом обнаружат пистолет, спрятанный у него во внутреннем кармане, — ворота мгновенно блокируются, его окружает полиция... Но ничего подобного не происходит. Он немного замедляет шаг и бросает короткий взгляд на табло, уточняя номер платформы, с ко-

торой отправляется его поезд — синкансэн «Хаятэ»¹. Поблизости стоит полицейский в синей форме, но он, кажется, не обращает на Кимуру никакого внимания.

Мимо бегом проносится мальчонка с рюкзаком — на вид ученик младшей школы. Кимура тотчас опять вспоминает о Ватару, и в груди у него начинается щемить. Он представляет своего милого мальчика, распростертого без сознания на больничной койке, ни на что не реагирующего. Мать Кимуры, увидев его, разразилась рыданиями: «У него такие глаза, такое лицо, будто он прекрасно понимает все, что происходит вокруг! Будто он просто уснул! Это невыносимо!» Одна мысль об этих словах заставляет Кимуру почувствовать себя так, словно его режут изнутри.

Негодяю не будет прощения. Если кто-то может столкнуть шестилетнего мальчика с крыши универмага и спокойно продолжать ходить и дышать, — значит, что-то с этим миром не так. В груди у Кимуры снова саднит — на этот раз не от грусти, а от ярости. Собравшись с силами, он направляется к эскалаторам. «Я бросил пить. Я могу идти прямо. Мои руки не дрожат». И сжимает крепче бумажный пакет, на котором красуется заглавный иероглиф одного из токийских сувенирных магазинов.

Синкансэн «Хаятэ» уже стоит на пути, ожидая отправления. Кимура бросается к нему, словно опаздывает, и впрыгивает в ближайшие раскрытые двери третьего вагона. Согласно информации, полученной от его бывших коллег по работе, цель находится в седьмом вагоне на пятом тройном ряду кресел. Он войдет через предыдущий вагон, чтобы добраться к нему со спины, — таков план. Со спины проще, да и его лицо никто не увидит.

¹ «Хаятэ» — название одной из линий синкансэнов (и, соответственно, самих поездов), которая входила в состав наиболее протяженной линии синкансэнов Тохоку с 1 декабря 2002 г. до 16 марта 2019 г., после чего была заменена синкансэнами «Хаябуса». — *Здесь и далее прим. пер.*

Кимура делает шаг внутрь вагона. Слева находится ниша с умывальником, и он задерживается возле зеркала. Плотнo задерживает за собой занавеску. Рассматривает свое отражение. Волосы в беспорядке, в углах глаз — комочки загустевшей слизи. Усы торчат во все стороны, даже мягкие волоски пуха на лице выглядят загрубевшими. Короче говоря, вид такой, что сам от себя убежал бы, если б мог. Он моет руки, ожесточенно растирая кожу, пока вода не выключается автоматически. Пальцы дрожат. «Это не из-за алкоголя, просто нервы», — убеждает он себя.

Кимура не пользовался пистолетом с того самого времени, как родился Ватару. Только при переезде, когда он упаковывал вещи, пистолет попался ему на глаза, и он взял его в руки. Теперь в глубине души он радуется, что тогда не выбросил его. Пистолет — полезная штука, когда хочешь немного припугнуть своего собеседника и доступно объяснить этому ублюдку, что тот перешел границы.

Зеркало покрыто сетью трещин, его поверхность кое-где провалилась, а где-то, наоборот, вспучилась, и лицо в отражении искажается подобием ухмылки. Оно как будто говорит ему: «Что было, то прошло. Ты и впрямь сможешь нажать на спусковой крючок? Ты ведь просто алкаш, даже мальчика своего защитить не смог...»

— Я бросил пить.

«Твой сын в больнице».

— Я достану этого ублюдка.

«Не думаешь, что сможешь его простить?»

Клубящийся ком эмоций в его голове обращается бессмыслицей и взрывается.

Кимура сует руку во внутренний карман своей черной спортивной куртки и достает пистолет, затем вытаскивает из бумажного пакета узкий цилиндр глушителя. Приставляет его к дулу, закручивает до упора. Конечно, глушитель не погасит звук выстрела полностью, но на малыше калибра .22 сведет его к безобидному «тонк!» — тише выстрела из детского пистолета.

Кимура смотрит в зеркало еще раз, кивает своему отражению, возвращает пистолет в пакет и выходит в пространство вагона.

Девушка-проводница в проходе готовит тележку с товарами, и он практически врезается в нее. Он ей мешает, надо бы отойти, но Кимура ловит себя на мысли, что не может оторвать взгляда от стоящих в тележке банок с пивом, и поспешно ретируется.

«Запомни, один глоток — и все кончено, — проносятся у него в памяти слова отца. — Алкоголизм неизлечим. Всего один глоток — и ты опять в его власти».

Кимура заходит в четвертый вагон и идет вперед по проходу. Мужчина, сидящий слева, устраивается поудобнее на своем месте и задевает Кимуру ногой, когда тот проходит мимо. Пистолет надежно спрятан в бумажном пакете, но из-за глушителя он стал длиннее и слегка цепляется за ногу мужчины. Кимура поспешно отдергивает пакет и прижимает его к себе.

Нервы его на пределе, и в нем мгновенно вскипает бешенство. Он смотрит на пассажира, готовый дать сдачи: у того лицо хорошего парня, очки в черной оправе, он кротко склоняет голову и бормочет извинения. Кимура прикусывает язык и отворачивается, уже собираясь продолжить свой путь, когда хороший парень вдруг окликает его:

— У вас пакет порвался. Всё в порядке?

Кимура останавливается и проверяет, в чем дело. И правда, в пакете дыра, но из нее не торчит ничего такого, в чем можно было бы безошибочно опознать пистолет.

— Не твое дело, — огрызается Кимура и идет дальше.

Он покидает четвертый вагон, ускоряя шаг все больше по мере приближения к цели — пятый вагон, шестой...

Ватару однажды спросил его: «А как так вышло, что первый вагон синкансэна находится сзади?» — само собой, это было, когда Ватару еще... бодрствовал.

Мать Кимуры ответила:

— Какой вагон ближе к Токио — тот и первый.

— Как это так, папочка?

— Ближайший к Токио вагон — первый, следующий за ним — второй. Так что когда мы едем туда, где твой папа родился, первый вагон оказывается в хвосте, а когда возвращаемся обратно в Токио, он становится головой поезда.

Отец Кимуры добавил:

— Когда синкансэн едет в Токио, о нем говорят, что он *поднимается в гору*, а поезда, едущие из Токио, *спускаются с горы*. Так что все крутится вокруг Токио¹.

— Дедуля и бабуля, вы всегда поднимаетесь к нам в гору! Вам же это так трудно, наверное!

— Все потому, что мы очень хотим увидеть тебя. Так что нам приходится взбираться на гору.

— Но ведь за вас это делает синкансэн!

Отец внимательно посмотрел на Кимуру.

— Ватару — очаровательный ребенок. Трудно поверить, что он твой сын.

— Тоже все время задаю себе этот вопрос. Хотел бы я посмотреть в лицо его настоящему отцу...

Родители пропустили мимо ушей его колкое замечание и продолжили свою беспечную болтовню: «Хорошие гены передаются через поколение»...

Кимура входит в седьмой вагон. С левой стороны двойные ряды кресел, с правой — тройные, все одинаково развернуто спинками к нему. Он сует руку в пакет, сжимает пальцами рукоятку пистолета, затем идет вперед — шаг, другой, — считая ряды кресел.

Пустых мест больше, чем он ожидал, тут и там один-два пассажира, будто дождик накапал. На пятом ряду, возле

¹ В японском языке поезд, направляющийся в столицу, называется *нобори-дэнся* — то есть буквально «поднимающийся (в гору) поезд», а едущий из столицы в другой город или в пригород — *куда-ри-дэнся* — буквально «спускающийся (с горы) поезд».

окна, Кимура замечает затылок подростка. Парень сидит с прямой спиной, из-под пиджака выглядывает ворот белой рубашки. Аккуратная стрижка — ни дать ни взять студент с доски почета. Он поворачивает голову, чтобы посмотреть в окно, и зачарованно наблюдает за тем, как другой синкансэн прибывает на станцию.

Кимура подходит ближе. Когда между ним и подростком остается всего один ряд сидений, он какое-то мгновение колеблется — «неужели я и вправду собираюсь причинить вред ребенку, который выглядит таким невинным?». Узкие плечи, хрупкое сложение. Обычный старшеклассник, тихо радующийся своей самостоятельной поездке на синкансэне. Тугой узел напряжения и ярости внутри Кимуры чуть-чуть ослабевает.

А потом перед его глазами рассыпается сноп искр.

Сначала ему приходит мысль, что что-то случилось с электрическими системами поезда и где-то произошло короткое замыкание. Но нет, это его собственная нервная система — в долю секунды она выходит из строя; сначала искры, а затем — крошечная темнота. Подросток, сидевший у окна, разворачивается — так быстро, что Кимура и глазом не успевает моргнуть — и тычет какой-то штукой ему в бедро. Похожей на здоровенный пульт от телевизора. К тому моменту, когда Кимура понимает, что это самодельный электрошокер — тот самый, о котором говорили те пацаны из средней школы, которых он тогда прищучил, — его тело парализовано от кончиков пальцев до мозга костей, и каждый волос на его теле стоит дыбом, наэлектризованный.

Когда он открывает глаза, то обнаруживает, что сидит в кресле возле окна. Руки его связаны спереди. Лодыжки тоже — перемотаны крепкой веревкой и вдобавок скотчем. Он может согнуть руки или ноги, но его тело не сдвинется при этом ни на сантиметр.

— Ты и вправду глупый, дедуля. Вот уж не ожидал, что тебя так легко просчитать... Да уж, ты надежнее любой ком-

пьютерной программы. Я знал, что ты придешь за мной, дедуля, и зачем ты придешь, тоже знал... — Мальчишка сидит слева от него на соседнем кресле и болтает как ни в чем не бывало. В его веках с верхней складкой и правильном носе сквозит что-то почти женственное.

Этот мальчишка, ради развлечения столкнувший сына Кимуры с крыши универсама, должно быть, еще только учится в старшей школе, но говорит он с такой уверенностью, будто прожил несколько человеческих жизней.

— Понимаю, что повторяюсь, дедуля, но я правда удивлен, что все прошло так гладко. Жизнь — хорошая штука. К тебе это, правда, не относится, ты уж меня извини. Особенно после того, как тебе пришлось отказаться от твоего любимого поила и всего себя посвятить этому...

ФРУКТЫ

— Как твоя рана? Все нормально? — спрашивает Мандарин, сидящий на месте у прохода, у Лимона, который сидит возле окна.

Они в третьем вагоне, на десятом тройном ряде кресел. Лимон смотрит в окно, бормоча себе под нос: «Зачем только было списывать пятисотую серию? Они мне нравились — те, с голубыми вагонами¹». Как будто только теперь услышав обращенный к нему вопрос, он хмурится: «Какая

¹ Лимон имеет в виду синкансэн го-хяку кэй дэнся, поезд 500-й серии, с характерными светло-голубыми вагонами, введенный в эксплуатацию в 1997 г. На момент начала их использования это были наиболее дорогие, быстрее и мощнейшие составы, развивавшие скорость до 300 км/ч (при проектной скорости 320 км/ч), с компьютерным управлением ходовой части для обеспечения более плавной и безопасной езды. Из-за их высокой стоимости было построено всего девять таких поездов. После ввода в эксплуатацию более современных и мощных синкансэнов 700-й серии (с 1 июля 2007 г.) количество синкансэнов 500-й серии постепенно сокращалось.

еще рана?» Его длинные непослушные волосы торчат прядами во все стороны, прямо как львиная грива — трудно сказать, укладывает ли он их так специально или просто поленился причесывать, встав утром с кровати. В выражении его глаз и презрительно искривленной линии рта читается полное равнодушие не только к работе, но и вообще ко всему, что происходит вокруг. Мандарин рассеянно гадает, является ли это следствием врожденных черт личности его компаньона, или же это окружающий мир повлиял на него таким образом.

Мандарин уточняет:

— Ну, та самая, которую ты получил вчера, когда тебя порезали ножом. Рана на твоей щеке.

— Когда это меня порезали?

— Когда мы спасали того богатенького парнишку.

Мандарин показывает пальцем на юношу, сидящего между ними на центральном сиденье. Совсем молодой, на вид только исполнилось двадцать, длинные волосы. Он молча переводит взгляд то на Лимона, то на Мандарина. Выглядит он сейчас значительно лучше, чем ночью, когда они его спасли, даже слабый румянец на щеках проступил. Нашли они его связанным, а перед тем, как связать, над ним еще хорошенько поработали, применив достаточно грубой силы, так что он весь трясся мелкой дрожью и никак не мог остановиться. Надо же, меньше чем за сутки почти пришел в норму... «Может статься, внутри у него ничего и не происходит, и все случившееся никак не отразилось на его душе», — думает Мандарин. Такое часто случается с людьми, которые не читают художественной литературы. Внутри они пусты и однотонны, для них проще простого переключить передачу: сменил режим — и *полный порядок*. Стоит им проглотить какую-нибудь ситуацию, как они тотчас забывают о ней, едва та проскочит по их пищеводу, так что они просто физиологически не способны сопереживать чувствам окружающих. Именно

им художественная литература нужнее всего, но в большинстве случаев они приходят к ней слишком поздно.

Мандарин смотрит на свои наручные часы. Девять утра. Значит, прошло ровно девять часов с того времени, как они спасли парня. Его держали в здании в районе Фудзисава Конго¹, в комнате на третьем подземном этаже. Он — единственный сын Ёсио Минэгиси, и Мандарин и Лимон вытащили его из этой передраги.

— Я не такой идиот, чтобы дать порезать себя ножом да еще и получить рану на лице, так что оставь меня в покое.

Мандарин и Лимон примерно одного роста, около ста восьмидесяти сантиметров, и у обоих одинаковое худощавое сложение. Люди часто думают, что они братья, даже близнецы. Близнецы — наемные убийцы... Когда кто-нибудь высказывает предположение, что они братья, Мандарин испытывает глубочайшую фрустрацию, граничащую с ужасом. Невероятно, что кто-то может ассоциировать его с кем-то настолько безрассудным и поверхностным. Впрочем, Лимона-то это уж точно не беспокоит: такие сложные переживания не могут прийти ему в голову. Один из их заказчиков как-то раз обмолвился, что с Мандарином иметь дело легко, а Лимон кого угодно может выбесить до белого каления. Прямо как с настоящими фруктами — никому не захочется есть кислющий лимон. Вот уж действительно...

— Ну и откуда у тебя тогда этот порез на щеке? У тебя там красная полоса оттуда досюда. Да я и сам слышал, как это произошло: тот мелкий якудза обошел тебя и саданул ножом в щеку, и ты закричал от боли.

¹ Фудзисава Конго — один из окраинных районов города Иокогама. Через Иокогаму и Фудзисава Конго проходит линия синкансэнов Токкайдо: от центра Токио до Иокогамы ехать на синкансэне около 20 минут в зависимости от выбора станции, — соответственно, до Фудзисава Конго от Токио можно добраться примерно минут за 40.

— Мне бы не пришлось в голову поднимать крик из-за такого пустяка. Если я и кричал, так это только потому, что завалить того сопляка было не сложнее, чем выдрать зуб. Так что я кричал от разочарования. Типа — *да неужто он реально такой слабак?! Так что эта штука на моем лице точно не от лезвия. Это обыкновенная экзема. У меня аллергия.*

— В жизни не видел экземы, которая выглядела бы как рана.

— А ты что, *создатель экзем?*

— Я — что? — Мандарин даже рот открывает от удивления.

— Ну, я спрашиваю, ты что, самолично создал все экземы и аллергии на свете? Нет? Или, может быть, ты занимаешься критикой аллергий и хочешь оспорить мою личную двадцативосьмилетнюю аллергическую историю? Что конкретно ты хочешь узнать про экземы?

— Ничего я не отрицаю. И никакой я не создатель экзем. Вот только никакая это у тебя не экзема.

Всегда с ним вот так. Чуть что, так Лимон сразу взъерепенивается и начинает сыпать дикими предположениями, которые он сочиняет прямо на ходу. Вне зависимости от того, отрицает ли Мандарин брошенные ему в лицо обвинения или просто перестает его слушать, он все равно не затыкается. Но теперь они слышат доносящиеся с центрального сиденья тихие неуверенные звуки (их и словами-то не назовешь), которые издает молодой Минэгиси:

— Э-это... прошу прощения...

— Чего тебе? — спрашивает Мандарин.

— Чего тебе? — спрашивает Лимон.

— Это... ну... как там вас двоих зовут?

Обнаруженный ими ночью, он был накрепко привязан к стулу и настолько обессилел, что походил на безжизненную тряпичную куклу. Когда Мандарин и Лимон пытались его растолкать, он бормотал только: «Простите меня, про-

стите меня...» — больше от него ничего невозможно было добиться. Мандарин подумал, что парень, должно быть, вообще не соображал, что с ним такое происходит.

— Я Дольче, а он Габбана, — говорит он первое, что приходит ему в голову.

— Не, — мотнув головой, возражает Лимон. — Я Дональд, а он Дуглас.

Успев только спросить, что это за имена такие, Мандарин вспоминает, что это персонажи из «Томаса и его друзей»¹. О чем бы ни шла речь, Лимон всегда умудряется свести разговор к этому мультиту. Детское телевизионное шоу с многолетней историей, снятое про железную дорогу, да еще и вместо нарисованных персонажей — настоящие кукольные модели поездов, — Лимон его просто обожает. Как только ему подворачивается случай вернуть какую-нибудь аллегорию касательно человеческой жизни, он обязательно вспоминает соответствующий эпизод из «Томаса и его друзей». Как будто все, что он знает о жизни и счастье, было почерпнуто им именно оттуда.

— Мандарин, я что, раньше тебе об этом не рассказывал? Дональд и Дуглас — это два черных паровоза, братья-близнецы. Разговаривают они всегда очень вежливо. Типа, *так-так, а это не друг ли наш Генри?* — вроде того. Когда кто-то говорит таким манером, это всегда производит хорошее впечатление — сразу понятно, что у говорящего добрые намерения. Уверен, что ты со мной согласишься.

— А я вот не уверен.

Лимон роется в кармане своей куртки и извлекает оттуда глянцевую карточку размером с записную книжку. Ты-

¹ «Томас и его друзья» — британский детский мультипликационный сериал для самых маленьких, снятый по произведениям «The Railway Series» писателей У. Одри и его сына, К. Одри. В Японии сериал под названием «Паровозик Томас» обрел популярность в 1990 г., а в 2020 г. было отпраздновано тридцатилетие его трансляции.